

Телефонист

Автор:

Владимир Чернявский

Телефонист

Владимир Евгеньевич Чернявский

Люди ищут «телефониста», когда скорбь по ушедшим близким становится невыносимой. Марк – телефонист. Его дар – находить в городских лабиринтах точку пробоя и соединять жизнь со смертью. Судьба Марка кардинально меняется, когда он знакомится с Еленой и ее маленькой дочкой, а вездесущие агенты Особой службы открывают на него охоту.

Владимир Чернявский

Телефонист

«...Мы не поклоняемся Коммутатору, но верим в Его существование.

У нас нет жертвоприношений и ритуалов, но мы творим Таинство Связи.

Мы вне закона. Мы читаем знаки на стенах домов и в вагонах метро.

По ним узнаем о тех, кто ждет нашу помощь...»

Катехизис телефониста, 1:2

Глава 1

Стена дома обрушилась лет десять назад. Марк заглянул за край провала. Лицо обдало холодным осенним ветром. Обломки панелей на земле поросли травой и чахлыми деревцами. Отсюда, с девятого этажа, город просматривался до самой реки. Крыши, покрытые серым шифером и черным гудроном, тянутся вдаль – к тонкой темной полоске. Другой берег накрыла серая вуаль не то дыма, не то тумана.

Марк поддел носком ботинка увесистый булыжник – тот по дуге полетел вниз, с глухим стуком ударился об обломок стены и рассыпался на несколько осколков. Телефонисты не знают заранее место сеанса. Их ведет интуиция. Как охотничьи псы по следу, идут они, вслушиваясь в шумы и щелчки своего сознания. Чутье привело Марка в заброшенный дом на окраине города и погнало по разбитым пролетам на девятый этаж. На облупившейся стене бывшей детской нашлась пульсирующая электричеством точка, куда нужно приладить телефонную трубку. Слишком высоко – клиенту придется тянуться.

Клиента, отставного военного, Марк назвал для себя «полковником». Профессию выдавала выправка, строгая манера держаться и скупая, рубленая речь. Лучшие годы его прошли в дальних гарнизонах. Он привык, что жена всегда рядом, но вот ее не стало, и жизнь полковника сделалась унылой и однобокой. Он и не представлял, что супруга была важнейшей «деталью» его существования.

От отчаяния такие люди ищут телефониста, чтобы тот хоть на несколько минут установил соединение – хрупкий мостик между мирами. Телефонист разыщет место пробоя и в нужный момент подключится к каналу связи.

К своим тридцати Марк повидал многих, кто искал контакта с иной стороной. Для одних звонок – шанс покаяться, вымолить прощение, последняя возможность примирения. Другим, напротив, сеанс связи нужен ради прощальной пощечины. Третьи хотят еще раз прикоснуться к былому благополучию, времени, когда жизнь счастливо текла рядом с родным человеком. Военный относился к последним. Поглощенный разговором, он стоял посреди руин, не смущаясь нелепой позы, и прижимал к уху пластмассовую трубку с оборванным проводом.

Телефонисты не слушают разговоры клиентов. Звонок – дело привычное. Сначала из динамика доносятся шорохи эфира и треск, а после – щелчок, и мелодичный женский голос произносит: «Назовите абонента». Разговор начинается тихо, а заканчивается криком и рыданиями.

Но полковник не кричал и не плакал. Спокойно бубнил в трубку. Часто слышалось: «Галя, Галя...» Казалось, он молится. Марк поморщился: держать канал открытым требовало сил. Он отвернулся и с притворным любопытством всмотрелся в городские кварталы. Внезапно клиент замолчал. Грохнул выстрел.

* * *

На поворотах вагон трясло, натужно выли электродвигатели. За окном в темноте мелькали силовые кабели и клепаные стыки металлического каркаса туннеля. Поездка в метро то еще испытание, но иначе потеряешь полдня в пробках. Война почти вдвое ужала город, но и то, что от него осталось – это три тысячи квадратных километров домов и улиц, заполненных человеческой массой в десять миллионов голов, вечно спешащих, тревожных и озабоченных. Одно хорошо – в городе легко затеряться.

Вагон накренился. Марк вцепился в поручень и поймал свое отражение в темном стекле. Присмотрелся. Все на месте: шрам на губе, щетина и короткий светлый ежик, мятый бежевый плащ. Но на лице будто бледная маска. «Ты не можешь всем помочь...» – крутилось в голове. Ведь не было и намека, что полковник учудит такое.

Ни жалости, ни сострадания, ничего, кроме усталости. Марк опустил веки и словно окунулся в плотный туман. Из белой взвеси медленно проступил Коммутатор. Величественный и непостижимый, он занимает весь горизонт и уходит ввысь, наполняя пространство непрерывным низким гулом. Лязгают шестерни, клацают контакторы, шелестят реле. Коммутатор связывает цепи миров и пронизывает их животворящими вибрациями. В одном из них по подземным туннелям несется в железном червяке одинокий человек – скромный телефонист Великого Коммутатора. Тот, кому даровано знать и чувствовать.

Марк потрянул головой, отгоняя наваждение, и прошептал строчки катехизиса: «...Узнаем о тех, кто ждет нашу помощь. Люди боятся, но ищут нас, когда все испробовано и надежда потеряна...» Он украдкой оглядел пассажиров. Пара подростков у дверей, женщина отвернулась к окну, пятеро рабочих в дальнем конце вагона. Может, кто-то из них ищет его? Или среди них доносчик, и скоро Марка покажут по новостному каналу – в наручниках, окруженного агентами Особой службы Министерства государственной безопасности. Наверняка Виктор Курц, глава службы, не упустит случая вытащить свою жирную тушу под свет софитов, чтобы похвастаться поимкой последнего телефониста.

Марк сунул руку в карман плаща, пальцы коснулись холодного металла. Он сам не знал, зачем взял пистолет из ладони мертвого полковника. Никакое оружие не защитит, если Особая служба возьмет след.

* * *

Ближе к реке воздух стал холоднее, запахло тиной. Чайки парили в восходящих воздушных потоках, широко расправив крылья и издавая резкие гортанные крики. Марк пересек заросшие бурьяном железнодорожные пути и свернул в узкий проулок, ведущий к воде. Над головой нависли щербатые стены старых складов, приспособленных под жилье.

До войны тут шумел торговый порт. Краны, похожие на гигантских цапель, крутили башнями, между кривых металлических «лап» сновали погрузчики. На таможенном переходе выстраивались в очередь многотонные фуры, везущие товары в Заречье. Невыносимо воняло рыбой, специями, жженой резиной и мазутом. Теперь у реки запустение. После обстрелов из всех зданий уцелели лишь толстые стены складов и хранилищ. Больше повезло постройкам на окруженных водой островках в километре от порта. На ближнем Марк обустроил себе жилье в покосившемся двухэтажном домишке. Невесть какой комфорт: внизу гостиная с плитой и холодильником и миниатюрная ванная комната, на втором этаже – спальня и кабинет. Но жить можно. Остальные обитатели порта ютились в куда более скромных апартаментах.

Марк вышел на пирс и кивнул соседу-рыбаку, латающему сети в пришвартованной плоскодонке. Его звали Павлом. Бездетный, он и жил с женой в комнате на ближнем к реке складе. Павел махнул Марку рукой:

– Что-то ты рано сегодня, – на его загорелом до черноты лице показалась беззубая улыбка. – Всю уже жилплощадь распродал?

Марк устало покачал головой, мол, куда там. Для соседей он удачливый пронира-риэлтор, чудак, невесть как попавший в местную клоаку.

– Что ты тут забыл? – упрекали его старожилы. – Купил бы квартирку в новом районе и жил припеваючи.

– Мне здесь нравится, – пожимал плечами Марк. – Люблю смотреть на реку.

Неширокий канал отделял дом от пристани. Марк остановился у края пирса и потянул ржавый рычаг, торчащий из бетонной прорези. От дверей со скрипом опустился деревянный настил из пары сколоченных вместе досок. Человек пройдет, а тени – нет. Воды они боятся.

Марк закрыл дверь и облегченно выдохнул. Дома можно расслабиться. Он сбросил ботинки, повесил на гвоздь плащ и плюхнулся в старое потертое кресло. Солнце било в окно косыми лучами. Свет квадратными пятнами лежал на полу, столешнице обеденного стола, бликовал на полированных дверцах массивного шкафа для верхней одежды. Дальнюю стену гостиной занимал деревянный стеллаж из неотесанных досок. На его полках блестели пластмассовые корпуса разобранных телефонов, выстроились в ряд старые радиоприемники, динамики с торчащими проводами, реле с плотной медной обмоткой. Инструменты телефониста всегда наготове, и ни один не используется дважды – каждый для своего случая, под конкретного клиента.

На средней полке выглядывала из-за вороха проводов фотокарточка в стеклянной рамке. С кресла картинка казалась размытой, но Марк и так знал, что на ней стоят в обнимку двое мальчишек двенадцати лет – оба в коричневых интернатских пиджаках без лацканов и карманов. Блестящие никелированные пуговицы застегнуты все до одной. Один мальчик светловолосый со шрамом на губе, второй – кареглазый с черной взъерошенной челкой. Рядом с ними седой морщинистый старик в сером плаще. На обороте карточки – надпись без даты: «Маркус Новак, Андрей Бенеш, Грегор».

– Ты бы наверняка догадался, что у старого вояки на уме, – прошептал Марк кареглазому другу. – Но мы лишь даем возможность, люди распоряжаются ею

сами...

Плащ сорвался с гвоздя и с глухим стуком упал на пол. Марк поморщился – он напрочь забыл про пистолет. Свыкся с его тяжестью в кармане. Люди быстро привыкают к оружию. Марк знал это не понаслышке. Он резко встал, схватил с полки целлофан и не глядя замотал в него пистолет. Забрался на стремянку и сунул треугольный пакет подальше в тайник на антресоли.

* * *

Марк висел в серой непроглядной мгле. Глазу не за что зацепиться – ни границ, ни предметов, ни черточки. Впереди, чуть ниже уровня глаз, появилась крохотная черная точка, ухо уловило едва различимый писк. Марк вгляделся и понял, что точка невообразимо далеко от него, но она быстро растет – приближается, а писк становится все громче и громче. Через секунду на Марка уже катился вал черной массы. Вздымаясь, как цунами, он оглушительно грохотал. Марк закрыл лицо ладонями, беззвучно закричал и проснулся. Сердце бешено колотилось, пальцы сжимали мокрую от пота простыню.

Этот кошмар снился нечасто, но после него жизнь менялась кардинально. Марк встал с кровати, взял со спинки стула рубашку и штаны и оделся. Перед выходом залез в тайник на антресоли и сунул в карман плаща треугольный целлофановый сверток.

Серая дымка затянула небо, и город погрузился в тихий сумрак. Порывы холодного ветра несли запахи прелой травы и близкого дождя. Тропинка вела через заброшенную промку. Из гигантских лопухов, словно кости доисторических монстров, торчали искореженные бетонные конструкции. Марк привык ходить тайными путями по изнанке города, по местам, выпавшим из людской повседневности.

Тяжелый сверток оттягивал карман и бил по бедру. Присвоив пистолет, Марк нарушил правило: не брать у клиентов ничего, кроме денег. Не смог устоять перед соблазном. Хранение оружия уже пять лет как запрещено Особой службой, и на черном рынке такой пистолет стоит немало. Закинув его на антресоли, Марк надеялся, что больше не вспомнит о нем. Но спустя неделю тот превратился в наваждение. В гостиной, в спальне, в уборной – где бы Марк ни находился, ему чудилось, будто в спину целится черное дуло. Классический

случай «залипания». Пришлось залезть в тайник и подробно рассмотреть вещицу. Короткий ствол, изогнутая рукоять с выемками для пальцев. Оружие довоенного образца. Такое уже не делают. В шестизарядном барабане не хватает патрона. На впаянной в рукоять медной пластине гравер-каллиграф вывел посвящение некому Виктору Эдгарду. Вероятно, так звали полковника. Фамилия редкая – адрес в «Желтых страницах» нашелся быстро. Простой рецепт от залипания – вернуть предмет родственнику мертвеца.

Через промку Марк вышел к окраине старого спального района и побрел по разбитому тротуару, некогда покрытому белой мраморной плиткой. До войны здесь бурлил пешеходный бульвар, вечерами горели фонари, гуляли парочки. Теперь же вдоль улицы тянулись дома под стать тротуару – побелка выгорела, штукатурка потрескалась и местами осыпалась, стены покрылись серыми заплатами. Ухоженно смотрелись только послевоенные панельки, торчащие между домов-ветеранов. Вдалеке манили блеском зеркальные окна многоэтажек нового района. Вокруг ни души. Лишь нахохлившиеся голуби на проводах и карнизах.

Снова налетел холодный ветер. Марк поднял воротник. Впереди показалась торговая площадь. По ее периметру теснились магазины, завлекая посетителей ярким неоном и теплым светом витрин. У окна обшарпанной столовой примостился пацаненок, на вид лет тринадцати. Нескладный, тощий, куртка висит мешком, на голове – черная вязаная шапочка.

Семь лет прошло с войны, а таких детей еще много на улицах. Обитатели приютов и детских домов часто сбегают от жесткого распорядка и скитаются по городу, пока их не отловит и не вернет обратно социальная служба.

Явно голодный пацаненок даже не пытался приставать к покупателям. Просто безо всякой надежды смотрел сквозь замызанное стекло.

Марк подошел ближе:

– Ты так долго не протянешь. – Он остановился в метре от подростка. – В городе надо иметь сильные кулаки и острые зубы.

Пацаненок шмыгнул носом и затравленно зыркнул из-под бровей:

– Не нуждаюсь в советах! – огрызнулся он ломким, уже с баском, голосом.

Глаза у него оказались карие, в точности как у мальчишки с домашней фотографии. У Марка в животе натянулся холодный жгут.

– Вот видишь: сила для упрямства у тебя есть. – Марк улыбнулся и хлопнул подростка по плечу: – Осталось направить ее в нужное русло. Пойдем, покормлю, пока ты тут не загнулся.

Он повернулся и гостеприимно открыл дверь столовой. Пацаненок заколебался, но принял приглашение.

В теплом просторном зале пахло вареным мясом и овощами. Глянцем блестели круглые столики в окружении высоких табуретов. На боковой стене – обычный плакат «Объединение». Половинки города через реку протянули друг другу руки. В дальнем конце зала вытянулся стеклянный прилавок раздачи. За ним подбоченилась толстая повариха в белом халате меньшего, чем нужно, размера и с марлевым тюрбаном на голове. Вторая работница заведения, комплекцией – копия первой, сидела за кассой. Посетителей кот наплакал: мужик в вязаном свитере у стены и две девушки в студенческой форме недалеко от входа.

Марк протянул подростку пустой поднос.

– Заказывай что хочешь.

Тот замялся: видно, у него в жизни никогда не случалось подобного выбора. Марк сам купил ему тарелку наваристых щей, пюре с котлетой и стакан компота. Себе взял простую лапшу с острыми специями. Кинул на тот же поднос и отнес к столику у окна.

Пацаненок резво заработал алюминиевой ложкой. Через минуту он отставил пустую тарелку из-под щей и принялся за второе. Щеки его порозовели, глаза ожили.

– Как тебя звать? – Марк почувствовал, что наступило время для откровенности.

– Максим, – без колебаний ответил подросток.

– Здесь где-то живешь?

– В развалинах на пустыре, – кивнул он. – У нас там банда.

– Понятно... Мне пора, Максим. – Марк снова нащупал в кармане целлофановый сверток. – И запомни: нужно бороться, а то пропадешь.

Он мог бы рассказать ему о своей жизни в интернате. О том, как приходилось кулаками и ногтями отстаивать свободу. Но Марк промолчал, его ждало неотложное дело. Он встал со стула, прошел между столиков к двери, чувствуя на спине пристальный взгляд карих глаз.

* * *

Каменный трехэтажный дом с нужным адресом прятался за гигантскими, уже пожелтевшими тополями. В подъезде Марк надел оранжевый жилет, поправил на груди бейдж и по пыльной лестнице поднялся на третий этаж.

Возле крашеной деревянной двери на месте звонка торчал обрывок провода. Марк постучал. Почти сразу с другой стороны послышался невнятный шум, донесся тревожный женский голос:

– Кто там?

– Сантехник! – Марк постучал сильнее. – У вас утечка!

После небольшой заминки щелкнул замок. В темной щели мелькнул глаз. Марк выставил бейдж. Типографский шрифт и синяя печать, видимо, вызвали доверие. Дверь открыла девушка, лет на пять младше Марка, худая, с бледной прозрачной кожей и темно-русскими волосами, собранными в пучок на затылке. Ее лицо с небольшим прямым носом, маленьким подбородком и тонкими губами можно было назвать красивым, если бы не впалые щеки и глубокие тени под глазами. Но сами глаза, голубые и немного раскосые, смотрели с живым спокойным вниманием.

Марк еще раз показал бейдж и переступил порог квартиры. В темном коридоре вдоль стен беспорядочно громоздилась мебель. «Что я здесь делаю?» –

промелькнуло в голове Марка.

– Разрешите? – Он щелкнул выключателем на стене, но люстра на потолке не зажглась.

– Уже неделю не горит, – посетовала из темноты хозяйка.

Марк потянулся к низкому абажуру, нащупал стеклянную колбу лампы и с силой покрутил ее в патроне. Яркий свет резанул по глазам.

– Вот и все. – Сквозь желтые круги Марк разглядел улыбку девушки. – Контакты окислились.

Улыбка ей шла, и девушка явно умела веселиться.

Марк прошел в ванную, проверил вентили, сделал вид, что осматривает трубы. Следом перешел на кухню и разобрал под мойкой сифон. Тот действительно забился жиром и клочьями волос и подтекал. Марк вычистил крышку и трубки, промыл гофру. Скрутил все детали обратно.

– Больше не будет протечек.

Он помыл руки и вытер их висящим рядом с мойкой кухонным полотенцем.

– Спасибо, – улыбнулась девушка. – Хоть одна хорошая новость.

– Неплохо бы еще вентили заменить, – Марк потер ладонью щетину на подбородке. – Но это терпит.

Он сел за стол, вытащил из кармана фиктивный бланк заказа, заполнил и протянул хозяйке:

– Распишитесь.

Она поставила несколько завитков и написала фамилию. Марк посмотрел на подпись:

– Ваша фамилия Эдгард? – сощурился он, притворяясь, будто не может разобрать почерк.

– Да, верно, Елена Эдгард. – Девушка поправила выбившийся локон.

– Жилплощадь снимаете? – Марк напустил на себя строгий вид. – Нужно для отчетности.

– Нет, квартира родителей. – Девушка откашлялась. – Теперь я единственная собственница. Папа неделю назад умер.

Только теперь Марк заметил черную ткань на зеркале в конце коридора. Он отвел взгляд:

– Соболезную.

Заплакал ребенок, и хозяйка поспешила в соседнюю комнату. Марк вышел в коридор, вытащил из кармана плаща пакет и второпях запихнул в дальний угол обувной тумбы. Облегченно выдохнул, вытирая о штаны вспотевшие ладони.

Девушка появилась, неся на руках девочку лет четырех-пяти. Ребенок поразительно походил на мать, словно уменьшенная копия, только волосы черные. Марку показалось, будто посреди убогого жилища ожила идиллическая картина – из тех полотен старых мастеров, что освещены особым внутренним светом. Иллюзия быстро рассеялась, но в груди поселилась тупая ноющая боль.

Марк попросил воды и, когда девушка пошла с ребенком на кухню, снова открыл обувную тумбу и переложил сверток обратно во внутренний карман плаща. Не дожидаясь хозяйки, Марк выскочил из квартиры и пустился по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

На улице Марк повернул в сторону новых многоэтажек, рассчитывая выйти к метро. Зарядил мелкий дождь. Холодные капли смочили лицо Марка, он поежился и зашагал быстрее.

На пустом перекрестке светофор мигал желтым. Мимо промчался грузовик, полный строительного мусора. Марк остановился, чтобы пропустить машину. Краем глаза он уловил движение теней метрах в двадцати от себя. Будто на тротуар бросили бесформенные черные тряпки. Как только Марк повернул к ним голову, ближняя задрожала и начала расти, набирая объем. За пару секунд она вытянулась в высокую человеческую фигуру, похожую на вырезанный из черной бумаги силуэт. Рядом встала еще одна тень, следом еще одна и еще.

Неловко переставляя ноги, тени двинулись к Марку. Он попятился и медленно расстегнул плащ, готовясь к длительному забегу. Задел выпирающий карман, полез внутрь и вытащил сверток. Ветер подхватил и понес по асфальту целлофановую обертку. Пальцы Марка плотно сжали тяжелую рукоять пистолета.

Тени рванулись вперед. Марк направил на них оружие, взвел курок и нажал гашетку. Раздался выстрел, плечо дернуло отдачей, завоняло порохом. Черные фигуры заметались, не добежав пяти метров до Марка. Он продолжал стрелять, наполняя грохотом улицу, пока пистолет не выплюнул из барабана все пули.

Небо заволочло тучами, быстро сгущались сумерки. Черные гости, казалось, растворились в надвигающейся на город темноте. На лицо Марку упали крупные дождевые капли, а после, без перехода, хлынули холодные струи. Среди брызг на асфальте снова зашевелилось нечто бесформенное. Марк развернулся и побежал.

Глава 2

Ливень хлестал нещадно. Марк мчался дворами, перепрыгивая через скамейки и клумбы, пока не уперся в бетонное ограждение стройки. Он подтянулся, перебросил тело через щербатую кромку и прыгнул. Ноги заскользили по мокрым доскам, Марк упал и ударился коленом.

Деревянный настил вел вглубь мешанины из бетонных конструкций и строительной техники. Слева выстроились жилые вагончики, справа чернел провал безразмерного котлована. Марк прихрамывая побежал вперед, пытаясь

удержать равновесие на скольком покрытии.

Он доковылял до ближайшего бульдозера и обернулся, вглядываясь в темноту. Тени отстали. Случилось нечто из ряда вон выходящее, раз они вылезли днем и не испугались дождя. Марк оперся на бетонную плиту и отдышался. Легкие горели, в боку колело. Он никогда не видел больше двух теней вместе, а на него напало не меньше десятка.

Истошно залаяла собака. В окне крайнего вагончика загорелся свет, скрипнула дверь.

- Кто здесь? - раздался хриплый бас.

Марк попятился в тень, развернулся и побежал дальше.

Дождь прекратился, как по щелчку. Плащ промок, и Марка потряхивало от холода и сырости. Хлюпая ботинками по жирной грязи, он аккуратно пробрался между ковшами экскаваторов, обогнул старый армейский тягач и вышел к бетонному забору с противоположной стороны стройки. За ним оказалась пешеходная улица и длинный ряд панельных пятиэтажек. На торце ближайшего дома висел гигантский плакат с изображением толстой физиономии Виктора Курца. Тот пристально вглядывался в темноту поверх забора стройки, в сторону дома Елены Эдгард. Снизу плаката шла жирная надпись: «Миротворец». Марк с этим не спорил: Курц остановил войну и объединил враждующие части города. А еще он убийца и деспот в маске благопристойности.

Ушибленное колено ныло. Марк с трудом счистил грязь с ботинок и поплелся вдоль улицы. Окрестности казались смутно знакомыми. Через десяток метров впереди показалась темная чугунная ограда. Позади послышался гул мотора. Марк обернулся. В дальнем конце улицы появились две точки горящих фар. Проблесковые маячки на крыше машины озаряли окрестные дома красными и синими всполохами. «Вот и Особая служба пожаловала», - с досадой процедил Марк. Особисты наверняка засекали скопление теней и теперь ищут телефониста, ставшего источником возбуждения.

Машина быстро приближалась, по-звериному завывала сирена. Марк рванул вперед, забыв про боль в колене. За десять секунд он добежал до ограды

и нырнул в темную щель открытой калитки. Он едва отдышался, когда мимо пронесся черный фургон.

Звук сирены постепенно удалялся и наконец затих. Марк закрыл за собой калитку и взгляделся в вечерний полумрак. Впереди под светом редких фонарей тянулись нестройные ряды могил и однообразные памятники – застывшие в скорбных позах мраморные женщины и дети, граненые миниатюрные обелиски. Марк уже давно не приходил на это кладбище. Он поморщился. Если бы люди знали правду о смерти, то не оплакивали бы мертвые тела родных.

Марк медленно побрел по дорожке, ведущей от калитки вглубь кладбища. Колено болело, приходилось часто останавливаться и отдыхать, присаживаясь на могильные плиты. Марка била мелкая дрожь. Минут через двадцать впереди открылась широкая, закатанная в асфальт аллея. Вдоль нее, словно часовые, вытянулись черные кипарисы.

Ноги помнили дорогу. Марк прибавил шагу. Миновав десяток участков, он свернул на размокшую узкую тропинку и пошел к центру кладбища. Через несколько минут могилы поредели. Посредине песчаной площадки к небу тянулись два белых обелиска. Между ними на метровой высоте висел куб из черного гранита. Фигура, казалось, парила над землей, но Марк знал, что ее удерживают тонкие стальные тросы. В сумраке грани куба выглядели гладкими. Марк подошел вплотную, провел ладонью по мокрой после дождя поверхности камня. Подушечки пальцев нащупали вереницу мелких неглубоких вырезов.

Сзади послышался шорох, Марк обернулся. К нему вразвалку приближалась высокая плечистая фигура. По походке чувствовалось, что идет человек мощный, с крепкой костью.

– Ы-ы-ы! – донеслось до Марка.

Он улыбнулся и пошел навстречу неожиданному гостю:

– Матвей!

Через мгновение Марк увидел лицо здоровяка: широкие скулы, по-детски пухлые губы, белки глаз, сверкающие из-под густых черных бровей. Одет он был в поношенную зеленую куртку, мятые армейские штаны и стоптанные зимние

сапоги. На плече у него висел рюкзак.

Марк подошел к Матвею вплотную. Они обнялись, и Марк скривился от резкого запаха дешевого табака и какой-то химии.

- Привет, дружище! – Он похлопал здоровяка по спине.

Тот в долгу не остался и сжал Марка в объятиях с такой силой, что у того перехватило дыхание.

* * *

Марк впервые встретил Матвея десять лет назад. Тогда, еще новобранцами, Марк с Андреем Бенешем явился в гарнизонный хозблок за военной формой. Следом пришел двухметровый здоровяк в сером щегольском костюме в тонкую полоску, шляпе и лакированных туфлях. В руках он держал простой крестьянский узелок со сменой белья. Загорелое лицо выдавало в нем жителя южных окраин, где тянутся бесконечные поля и фермы. Похоже, собираясь в военкомат, Матвей надел свою лучшую одежду, купленную родителями сразу на школьный выпускной, свадьбу и похороны.

Марку и Андрею подошла стандартная роба, а с Матвеем кладовщику пришлось повозиться. Лысый ефрейтор со стальными протезами ниже колен громыхал по складу, матерясь и хлопая дверцами шкафов. Особенно долго провозились с сапогами. В итоге Матвею достались шикарные горные берцы гигантского размера. Поговаривали, что трофейные. Только от снайперов ботинки не спасали. Матвей со своей комплекцией в первый же год боев дважды попадал в госпиталь.

Как-то ночью их сводный батальон высадили с понтонов на правый берег реки. К обеду они вышли на центральный проспект Заречья. Стояла жуткая жара. Солнце будто придвинулось к земле, чтобы выжечь все живое. Горячий ветер гонял над разбитым асфальтом серую пыль и запах гари. Пот стекал из-под каски на лицо и испарялся.

Передовые отряды легко подавили огонь нескольких дотов и уже продвинулись до первого перекрестка, когда им навстречу выехали танки. Угловатые

сорокатонные машины, рыча моторами и лязгая гусеницами, за пару минут выстроились клином поперек проспекта и принялись расстреливать наступающую на легкой броне пехоту.

Первый снаряд разорвался метрах в тридцати. Марк упал плашмя и пополз к ближайшим развалинам, чувствуя, как под ним дрожит и вздрагивает горячий асфальт. Кровь ударила в виски и наполнила рот металлическим привкусом. Снаряды рвались один за другим, камни и комья земли градом били по спине, стучали по каске. Марк чудом добрался до разбитой стены дома и рывком перебросил тело через щербатые камни. Отдышался и осторожно выглянул наружу.

В его сторону согнувшись бежал Матвей.

– Ложи-ись! – Марк по грудь высунулся из укрытия.

Матвею оставалось метров пять до развалин, когда земля рядом с ним вздыбилась и разлетелась фонтаном комьев, осколков и пыли. Матвея откинуло к стене дома. Он упал и остался лежать на тротуаре. Марк рванулся к нему, но тут же закричал от жгучей боли в ноге. Он прижал руку к бедру – между пальцами текла темная кровь. Он пополз к реке и уже начал терять сознание, когда его подобрал медбрат.

Потом выяснилось, что разведка проморгала подземные ангары с полусотней танков. Пятьсот человек отправили на бойню. Треть из них так и осталась лежать на проспекте. Живых и раненых вывезли подоспевшие десантные катера.

Матвей долго лечился, но доктора так и не вернули ему речь. Возможно, в этом тоже была удача – его списали в тыл до начала самых жарких боев. После войны он остался в городе – скитался по приютам и ночлежкам, связался с катакомбниками и перебрался на кладбище. Марк несколько раз снимал Матвею жилье, но тот неизменно возвращался на могилы. Похоже, он свыкся с новым образом жизни.

– Как ты меня нашел? – Марк отстранился от друга.

– Ы-ы-ы! – Матвей постучал пальцем по наручным часам, снял с плеча рюкзак и вытащил из его безразмерного нутра электрический фонарик и баллончик аэрозоли.

Марк посмотрел на свои часы. В миниатюрном окошке даты виднелось число 25.

– Точно! – хлопнул он себя по лбу.

– Ы-ы-ы! – радостно закивал Матвей.

Марк взял из его рук фонарик, щелкнул выключателем и направил на куб. В круге яркого света на черном граните показался плотный слой строчек из имен и фамилий. Бесконечные списки мужчин, женщин и детей, погибших в войне с Заречьем. Такой же куб установлен на центральном кладбище по другую сторону реки.

Марк обогнул памятник и нашел список личного состава воинской части двести тридцать шесть, а в нем свою разведроту. Пятьдесят человек – всего две колонки убористого текста. Марк подошел вплотную, медленно провел пальцем по строчкам. На двадцатой сверху он остановился и прочел вслух: «Андрей Бенеш».

– Ы-ы-ы! – заголосил сзади Матвей.

Бои прекратились на двадцать пятый день осени. Взятая власть Особая служба наскоро наводила порядок и пыталась успокоить людей и мировую общественность. Трехлетняя война в центре Восточной Европы наконец закончилась. Никто скрупулезно не занимался похоронами. В спешке собрали тела и замуровали в бетонных саркофагах, накрыв их черными кубами.

В газетах писали, что монумент символизирует нерушимость памяти о погибших, но в действительности он не более чем символ забвения. Едва различимые буквы на черном камне – лучшее тому подтверждение. Жертвы войны есть, но они не видны.

Марк и Матвей боролись с забвением по-своему: на двадцать пятый день осени они, прихватив с собой краску, приходили на кладбище.

Марк протянул руку:

– Давай!

Матвей вложил ему в ладонь холодный цилиндрик. Марк взболтал аэрозоль, поднес к поверхности куба и вдавил кнопку. Завоняло химией. Белая струя с шипением вырвалась из узкого горлышка и ударила в мрамор.

Марк не отпускал палец, пока не выжал всю краску без остатка. Черное стало белым. Марк взял из рук Матвея тряпку, быстро провел ею по поверхности куба, стараясь не касаться букв. Отступил на несколько шагов – пятьдесят фамилий пылали на черном граните. Это все, что Марк мог для них сделать.

Матвей стоял рядом и улыбался, издавая привычное гортанное: «Ы-ы-ы!» Марк похлопал его по плечу, мол: «Будет и на нашей улице праздник». Здоровяк согласно закивал и потянул Марка за рукав плаща. Марк безвольно захромал за Матвеем по узкой дорожке, петляющей между могил.

* * *

Они прошли с полкилометра, часто останавливаясь и отдыхая. Марк замерз и ослаб, колено не гнулось и ныло. Он уже не разбирал дороги, шлепал прямо по лужам и быстро набрал в ботики воды.

– Ы-ы-ы! – промычал Матвей, схватил Марка за руки и взвалил на спину.

Земля качалась перед глазами. Марку казалось, что он снова на фронте и медбрат выносит его из боя.

– Пригнись... Пригнись, – шептал Марк ему на ухо.

Пули цокали о стены домов, и где-то над головой взрывались снаряды.

Новобранец на войне живет страхом и надеждой. Он боится смерти, еще больше – боли и того, что останется на всю жизнь калекой. При этом жаждет подвигов, славы и внимания. Он мечтает, что после победы наступит

окончательный мир во всем мире и не останется места страданиям. Но война с размаху сметает юношеские фантазии и окунает в оживший ужас, который навсегда засядет в памяти, в нервных клетках, во снах и рефлексах.

Марк будто вернулся на десять лет назад. Ему казалось, что под ногами снова чавкает красная жирная глина, размокшая от непрерывных дождей. Она липнет к сапогам и мажет бордовыми полосами защитный комбинезон. Марк бежит, пригибаясь к земле, падает и проваливается в кровавую жижу. Рядом ползет Андрей Бенеш. Весь в грязи, он поворачивает голову, и из его глазниц на Марка смотрит черная непроглядная тьма. Марк падает на спину, ему становится жарко, тело горит. Он мечется по земле в поисках влажной грязи, но под ним лишь пыльный асфальт центрального проспекта Заречья.

* * *

«Дзынь-дзынь!» – настойчивый звон колокольчика отдает болью в висках и затылке. Марк медленно открыл глаза, приподнял голову и осмотрелся. Он лежал под грудой одеял на низкой тахте с ажурными деревянными спинками. Напротив него на табурете сидел Матвей, помешивая ложечкой чай в стеклянном стакане. Где-то под потолком тускло горела лампочка, едва освещая нехитрую обстановку небольшой, квадратов на пятнадцать, комнаты без окон: покосившийся буфет без дверей у дальней стены, рядом с ним – металлический столик с круглой алюминиевой столешницей, как в городских кафе до войны, пару стульев и поблескивающую в углу пузатую газовую печь с радиатором.

– Где мы? – поморщился Марк.

– Ы-ы-ы! – Матвей улыбнулся, показав желтые зубы. Он поднял руку и задвигал в воздухе пальцами, изображая человека, идущего вниз по лестнице.

– Под землей? – нахмурился Марк. – В катакомбах?

– Ы-ы-ы! – одобрительно закивал Матвей.

Марк откинулся на подушку и закрыл глаза. В эти подземелья он лазил еще мальчишкой, и они навсегда изменили его жизнь. Он вспомнил холод, низкие

потолки и темные бесконечные коридоры с щербатыми стенами. Пару столетий назад в них еще добывали ракушечник, но потом бетонное строительство вытеснило хрупкий камень, и катакомбы остались бесхозными. Городские власти закрыли доступ к ним, но дети всегда найдут лазы и щели. Интернатские бывали в катакомбах чаще других. Запретные места манят, тем более если туда не могут пролезть надзиратели.

– Долго я провалялся? – Марк сел на кровати, потрогал колено, перетянутое плотной тряпкой. Оно не болело, и вообще он чувствовал себя здоровым.

– Ы-ы-ы! – Матвей показал два пальца.

– Двое суток? Хм... – Марк поджал губы. Диспетчер, наверное, его обыскался. Заказы в последнее время приходили каждую неделю. «И как там дела у Елены Эдгард?» – подумал он с тревогой.

Марк сбросил с себя одеяла и остался голышом.

– Одежду мою продал, что ли? – проворчал он. – Плащ-то довоенный, раритетный. Надеюсь, не продешевил?

Матвей в ответ осклабился, сходил к печке и вернулся со стопкой высушенных вещей.

– Шикарно! – Марк взял вещи и принялся одеваться. – Хорошо тут у тебя! – Он натянул ботинки, набросил на плечи плащ. Рука машинально залезла в карман, и пальцы нащупали шершавую рукоять пистолета.

– Ы-ы-ы! – Матвей придвинул к тахте круглый столик и перенес на него с печки армейский котелок. Пахло вареными овощами и мясом. У Марка засосало под ложечкой.

В котелке дымилась наваристая жижа из капусты, картошки и консервированной тушенки. Марк взял ложку и принялся жадно есть. Матвей протянул ему несколько кусков серого хлеба.

Минут через пять Марк отодвинул пустой котелок и вытер ладонью губы.

– Спасибо тебе, дружище! – Он встал из-за стола. – Мне пора.

Матвей замотал головой. Он, как прежде, взял Марка за рукав и потянул к незаметной в тени металлической двери с круглым штурвалом посередине, какие бывают в бомбоубежищах. Матвей покрутил штурвал, кряхтя, потянул дверь на себя. Мышцы на его руках вздулись, стальная плита поддалась и начала со скрежетом открываться. Из темной щели пахнуло холодной сыростью.

Матвей пошарил рукой по стене, раздался щелчок, и темнота за дверью сменилась тусклым желтым электрическим светом. Марк вслед за Матвеем шагнул через обитый клепаной сталью порог и очутился в узком каменном коридоре с шершавыми стенами. По потолку тянулся белый электрический провод. На нем через равные промежутки горели лампочки без плафонов. Между каменных стен оказалось значительно холоднее, чем в жилище Матвея. Марк поежился и ускорил шаг, чтобы не отстать от товарища.

Коридор шел под уклон, местами приходилось держаться за холодную влажную стену. Матвей, пройдя метров тридцать, толкнул плечом еще одну дверь, и Марк следом выбрался в просторный освещенный тоннель со сводчатым потолком. Под ногами, искривляясь, уходила в темноту узкоколейка.

На рельсах стояла ручная дрезина. Матвей взгромоздился на переднее сиденье, Марк сел напротив и осмотрелся. Тоннель выглядел ухоженным: рельсы блестели, на стенах кое-где виднелись свежие цементные заплатки. Катакомбники хорошо устроились: восстановили брошенную каменотесами железную дорогу, провели электричество и, похоже, как-то подключились к городскому газопроводу.

Матвей навалился на рычаг, и дрезина нехотя тронулась. Они ехали минут сорок в холодной, влажной темноте. Тоннель петлял, колеса гулко стучали на стыках рельсов. Наконец впереди забрезжил свет, становясь с каждой минутой все ярче.

Послышалась музыка. Матвей убрал руки с рычага, и дрезина по инерции выкатилась в просторный круглый зал диаметром не меньше ста метров. В его стенах виднелись двери разных цветов и размеров, будто выставка достижений дверного хозяйства. Некоторые были открыты. У их порогов в креслах сидели

люди – мужчины и женщины разных возрастов, старики и старухи. Мужики курили и читали газеты, женщины штопали и вязали. Из репродуктора под потолком лились тихие фортепианные переливы. Все это походило на сценку тихой фермерской жизни после рабочего дня где-нибудь на южной окраине города. У ярко-красной двери с массивным медным кольцом двое мальчишек лет пяти чертили мелками на каменном полу.

– Звезда! – звонко крикнул один из ребят.

Марк улыбнулся. Он в детстве тоже играл в «Кресты и звезды», и Андрей у него часто выигрывал. Андрей Бенеш вообще был намного удачливее и расторопнее. Всегда на шаг впереди, а Марк – в догоняющих.

На них никто не обратил внимания. Марк лишь пару раз поймал брошенные на него мимолетные взгляды. На середине зала Матвей улыбнулся, хлопнул Марка по плечу и на ходу соскочил с дрезины. На его место тут же запрыгнул хмурый щуплый паренек лет пятнадцати.

– Криста хочет с тобой поговорить. – Он широко улыбнулся, и его лицо преобразилось. Стало видно, что это, по сути, еще ребенок. Марк вспомнил Максима с пустыря недалеко от дома Елены Эдгард. Что-то неуловимое делало этих детей похожими друг на друга.

Марк слышал о Кристе. В прошлом она кадровый военный. Во время войны командовала двумя десантными батальонами. Когда власть взял Курц, отношения у них не сложились. Особая служба требовала полного подчинения. Некоторые соглашались, но Криста уволилась из армии и собрала вокруг себя таких же, как она, бывших вояк, недовольных послевоенным мироустройством.

Марк нажал на рычаг. В конце зала колея расщеплялась на две, уходящие в новые тоннели. Хмурый паренек выхватил палку, уложенную на два крюка сбоку дрезины, развернулся и на ходу быстрым тычком перевел стрелку. Дрезина свернула направо.

Минут через пять они подъехали к платформе, метра три длиной. От нее вверх уходила металлическая винтовая лестница, ведущая к открытому люку в потолке. Хмурый паренек кивком велел Марку остановить дрезину. Они сошли на платформу, и Марк вслед за своим проводником загремел подошвами

по чугунным ступеням.

Марк добрался до верха, вылез через открытый люк и неожиданно оказался в просторном квадратном зале метров шестьдесят в поперечнике. Из высоких полукруглых окон падал яркий солнечный свет, на подоконниках стояли горшки с цветами, от сквозняка колыхался тюль, с улицы доносился гул моторов и сигналы авто. Центр комнаты занимал массивный деревянный стол с развернутой на всю столешницу картой города. Вдоль глухой стены, упираясь в потолок, тянулся стеллаж, плотно заставленный книгами. В дальнем конце зала у окна примостились два кресла с красной бархатной обивкой и журнальный столик с черной пепельницей посередине.

В одном из кресел сидела женщина лет сорока в махровом банном халате, мягких домашних тапочках и с тюрбаном из полотенца на голове. Прямой тонкий нос, поджатые губы и цепкие карие глаза под черными бровями.

– Здравствуй, Марк! – произнесла Криста, не вставая. Голос у нее был низкий, с хрипотцой. – Располагайся, – указала она на соседнее кресло.

Марк пошел вдоль комнаты. На середине пути не удержался и шагнул к окну. За стеклом, с высоты примерно второго этажа, просматривалась оживленная городская улица. По дороге с ревом проносились авто. На перекрестке мигал светофор. По тротуарам сплошным потоком двигались пешеходы. На другой стороне улицы, у дверей магазина «Все для рыбалки», собралась небольшая очередь – видно, ждали продавца с обеда.

– Неплохо вы тут устроились! – покачал головой Марк.

– Курить будешь? – спросила Криста.

Марк отказался и опустился в кресло. Хозяйка дома взяла со столика длинный мундштук с сигаретой, прикурила от зажигалки, затянулась и выпустила длинную струю сизого дыма. Марку в нос ударил резкий запах табака, смешанного с ментолом и еще чем-то пряно-сладким.

– Матвей тебя рекомендовал как опытного разведчика. – Криста внимательно посмотрела на Марка сквозь дымовую завесу.

– За три года войны каждый может научиться, – пожал он плечами.

– Не скромничай! – улыбнулась Криста. – Два ордена Мужества и медаль «За отвагу» говорят о многом. И ты выжил – это главное.

– Выжил благодаря Виктору Курцу, – парировал Марк. – Еще один год войны я бы не потянул.

– Ты наверняка знаешь, как я к нему отношусь? – Криста подняла бровь.

– Да, знаю. – Марк подался вперед. – А чем вы лучше него? Война началась из-за таких, как вы: самонадеянных, уверенных, что все можно решить силой. Если бы вы взяли власть вместо Курца, вели бы себя не лучше него.

– Вижу, ты с зубками, – мрачно усмехнулась Криста. – Хорошо, давай начистоту. Я знаю, кто ты такой, Марк Новак. И поверь, мы с тобой на одной стороне...

– Сомневаюсь, – перебил ее Марк.

– Ты – телефонист. – Она хищно улыбнулась. – Государственный преступник и исчезающий вид.

– Допустим. – Марк облокотился на спинку кресла с видом, будто разговор ему наскучил. – Вам-то что до этого?

Он посмотрел в окно. На перекрестке с обеих сторон, нервно гудя, скопились машины. Похоже, сломался светофор.

– Жизнь одна, а мертвые продолжают жить исключительно в памяти своего потомства. – Криста еще раз затянулась. – Сотню лет пропаганда вдалбливает подобное в головы людей по обеим сторонам реки. Но знаешь, гораздо раньше в катакомбах под нами, – кивнула она на люк в полу, – тоже прятались люди. Молились и хоронили своих мертвецов.

Марк с интересом посмотрел на Кристу.

– При обустройстве убежища нам пришлось основательно порыться, – продолжила она. – На нижних ярусах мы нашли кладбище. Тела, замурованные в нишах, подземные святилища с жертвенниками. – Хозяйка дома помолчала, будто вспоминая найденные каменные могилы. – Эти люди намного лучше нас понимали, что ждет человека после смерти.

– И что же? – сощурился Марк.

– Возможно, они ничего не знали о Великом Коммутаторе. – Криста посмотрела на Марка в упор. – Они верили во что-то свое, но не менее величественное, ведущее за грань смерти. – Сигарета в ее мундштуке закончилась, Криста вынула окурочек и зарядила новую. – Возможно, мы многое потеряли, искоренив религию. Но телефонисты всегда были отдушиной для тех, кто искал в жизни нечто большее. – Она усмехнулась: – Я и сама хотела бы кое-кому позвонить на ту сторону.

К гудящему перекрестку подъехала машина с синей полосой на борту. Из нее вышли двое полицейских в серой форме и особист, как всегда, в черном кожаном плаще. Полицейские принялись разводить застрявшие в пробке авто. Агент Особой службы молча наблюдал, стоя у машины. После войны особисты появились во всех структурах власти. По сути, именно они управляли городом.

– Так за этим я вам нужен? – Марк отвлекся от происходящего за окном. – Я напрямую не принимаю заказы. Если бы вы действительно очень хотели, то с вами бы уже связался диспетчер.

– Это я так, – махнула рукой Криста, – минутная слабость. На самом деле ты прав – я очень хочу избавить наш мир от Виктора Курца. – В ее голосе слышались стальные нотки. – Мне нужны союзники. Телефонисты сотню лет жили вне закона, но власть смотрела на них сквозь пальцы.

Марк грустно усмехнулся.

– Два-три процесса за полвека – это ни о чем, – снова махнула рукой Криста. – А вот Курц взялся за вас всерьез. Сил не жалеет, работает на полное уничтожение. Не зря же он перебрался в старую цитадель на северной окраине города. У вас же там было что-то вроде святилища... – Она прищурилась. – С такими, как вы, надо дружить. Злейший враг моего врага – мой лучший друг.

Марк до боли сжал подлокотники кресла. Вспомнилось, как год назад судили Ивана Скрынку – старого телефониста с сорокалетним стажем. Устроили публичный процесс. Месяц крутили в прайм-тайм по всем каналам. Неизвестно, какими пытками и угрозами заставили каяться в обмане и вымогательстве денег. В итоге приговорили к двадцати годам тюрьмы, но после суда Ивана больше никто не видел. Так сгнули почти все. Некоторым удалось бежать из страны. Они, конечно, остались живы, но вдалеке от Источника потеряли свой дар. Для телефониста это хуже смерти.

Хозяйка дома положила мундштук поперек пепельницы. От тлеющего кончика сигареты к потолку потянулась тонкая струйка дыма.

– Мне нужна информация. – Криста стукнула кулаком по кожаным подлокотникам. Теперь Марку вполне верилось, что эта женщина командовала десантниками. – Я предлагаю обмен, – произнесла она уже мягче. – Ты слышал о банде Саула?

Марк кивнул. Саул, неуловимый и влиятельный криминальный авторитет, держал под контролем центральную часть Зареченского берега. Как-то ему удавалось ладить с Особой службой.

– У него в заложниках один из ваших, – бросила Криста.

– Кто?

– Дряхлый старик. Уже ничего не может, но многое знает. Не волнуйся, пока он в безопасности, но, если Курц прижмет Саула, тот вполне может откупиться телефонистом.

На перекрестке взревел мотор. Марк успел заметить, как из-за грузовика стремительно вынырнул красный мотоцикл. Ездок вскинул руку, и раздалось несколько хлопков. Особист у машины задержался и рухнул навзничь. Мотоцикл, не сбавляя скорости, помчался дальше и вскоре скрылся из виду. Завыла сирена, и возле лежащего на асфальте тела забежали люди.

Марк перевел взгляд на Кристу. Он слышал об участившихся терактах против особистов, но не сталкивался с этим воочию. Кристу, казалось, не интересовало

происходящее за окном. Она лишь слегка приподняла уголки губ, давая понять, кто стоит за этим.

- Что вы хотите знать? - Марк откинулся на спинку кресла.

- Откуда у Курца такое влияние на людей? - Глаза Кристи превратились в щелки: - Как серенькая мышка, глава Особой фельдъегерской службы, вдруг подчинил себе высшее командование по обеим сторонам реки?

- Тени, - вздохнул Марк.

- Что?! - Брови Кристи поползли вверх.

- Мир после войны сильно изменился, - тихо произнес Марк.

- Это очевидно, - усмехнулась хозяйка дома.

- Нет, вы не понимаете, - Марк с досадой поморщился. - Изменилась основа мира. Все больше людей не могут после смерти совершить переход.

- Переход?

- Человеческие искры не могут попасть в канал Коммутатора и остаются в нашем мире. Они блуждают по городу. Иногда могут захватить человека со слабой волей.

- Я не слышала об этом, - скривила губы Криста.

- Тени видны только телефонистам, - пожал плечами Марк, - и животным: кошкам, собакам, лошадям...

- Допустим, - нахмурилась Криста. - При чем здесь Курц?

- Тени начали появляться с момента его возвышения. Он как-то берет у них силу для влияния на людей, - вздохнул Марк. - Чем больше теней, тем сильнее Курц.

– Так что же он такое? – Криста снова стукнула кулаком по подлокотнику.

– За семь послевоенных лет мы так и не разобрались, – пожал плечами Марк. – А теперь уже и некому. Теней в городе все больше, вы тоже ничего сделать не сможете. И оружие не поможет. Будете, как крысы, сидеть в комфортабельных норах и ждать конца.

– Спасибо за откровенность!

Криста заметно побледнела. Ее сигарета так и прогорела нетронутой в пепельнице. Марк кивнул, поднялся и пошел к люку. В этот момент в комнате затрещал телефон.

Глава 3

В детской, на сером ковре с коротким ворсом, валялись, словно разбросанные ураганом, плюшевые звери, пластмассовые солдатики и куклы, деревянные и картонные кубики, модели автомобилей. Лишь посередине ковра царил строгий порядок. Там, деля комнату пополам, извивалась река – длинный синий шарф. По берегам тянулись улицы и проспекты, ровными рядами виселись дома, по перекресткам сновали машины, на переходах толпились пешеходы.

В самом центре игрушечного города, посреди площади, окруженной картонными небоскребами, вывернув по-лягушачьи ноги, сидел мальчик лет шести. Копна светлых волос, синие шорты, красная рубашка без рукавов. Он строил. Брал одну за другой коробки, кубики, детали конструктора и превращал их в офисные здания, жилые кварталы или дворцы для развлечений. Расставлял вокруг игрушечных жителей, выстраивал рядами машины на парковках.

Он любил сооружать из игрушек точную копию настоящего города, шумящего за окном.

– Маркус! – бывало, всплескивала руками мать. – Когда же ты будешь это убирать?!

В ответ он улыбался: «Смешная». Прежде чем рушить, надо еще построить, а это не так просто. В порту должны крутить башнями горбатые краны, по железной дороге – бежать поезда, на перекрестках – ждать сигнала светофора груженные фуры. По обе стороны реки город должен расти и шириться – дом за домом, квартал за кварталом, чтобы лишь на далеких окраинах смениться фермами с теплицами, садами и пшеничными полями.

Настенные часы показывали половину одиннадцатого вечера. Круглый медный маятник на тонком стержне мерно качался из стороны в сторону: «Тик-так... Тик-так...» Родителей все нет. В чернильной темноте между тяжелыми шторами светилась окнами стена соседнего дома.

Родители никогда так долго не задерживались. В десять мать обязательно отправляла Маркуса чистить зубы, а потом – спать. В последние дни она читала ему перед сном о приключениях мышат – Рифа и Ниса. Два хвостатых друга попадали в невероятные передрыги, но всегда находили выход из отчаянных ситуаций. Маркус поджал губы – сегодня он ждал продолжения. Ему вдруг вспомнился ночной кошмар – он висел в пустоте, а на него с ревом накатывалась гигантская темная волна. На глазах Маркуса выступили слезы.

В прихожей тренькнул звонок, следом во входную дверь постучали. «Ну конечно! Они забыли ключи!» – Маркус вскочил и радостно побежал в коридор. Он повернул ручку замка, дернул дверь на себя и опешил. За порогом стояла незнакомая дама в темно-синем костюме и с цветастым платком на шее. Рядом подбоченился хмурый усатый полицейский. Из-за его спины выглядывала сморщенная старушка – соседка по лестничной клетке.

– Маркус Новак? – наклонилась дама в костюме.

Маркус почувствовал пряный аромат ее духов. На рябом лице женщины среди мелких веснушек прятались серые, словно стальные, глаза.

– С твоими родителями, Маркус, случилась беда. – Она сдвинула брови и скривила рот, будто хотела заплакать. – Мы отвезем тебя туда, где о тебе позаботятся.

Маркус замялся и шагнул назад:

– Я подожду маму с папой.

– Боюсь, Маркус, это невозможно, – покачала головой рябая дама и повторила с нажимом: – Ты поедешь с нами.

Маркус попятился, развернулся и помчался вглубь дома. Он влетел в детскую, перескочил через крыши игрушечного города, распахнул дверцу бельевого шкафа и забился в дальний угол. В пыльной темноте Маркус уткнулся лицом в висящую на вешалке зимнюю куртку и замер, стараясь не дышать.

– Ма-арку-ус! Ма-арку-ус!

Паркет скрипел под тяжелыми шагами полицейского, цокали тонкие каблуки дамы, шаркали тапки соседки.

– Горе какое! – запричитала старуха в коридоре. – Машины эти гоняют как сумасшедшие, никто не хочет уступить другому дорогу. Ма-аркус! Где ты?

– Ма-аркус! Ма-аркус! – прокуренным басом кричал полицейский.

– Что же с ним будет? – спросила соседка.

– Пока отвезем в распределитель, – ответила рябая. – Может, найдутся родные, заберут к себе.

О родственниках Маркус знал только то, что бабушки и дедушки умерли еще до его рождения. Ни братьев, ни сестер у родителей не было, и других детей, кроме него, они не нажили.

Скрипнула дверь в детскую. Ковер погасил звук шагов, но Маркус знал, что кто-то крадется среди игрушек. Звякнула пожарная машина, загрохотала упавшая коробка.

– Где же он? – раздраженно прошипела дама. – У меня смена закончилась. – Она топнула ногой: – лейтенант, займитесь своим делом!

Дверь шкафа распахнулась. Маркус зажмурился от яркого света. Сильные мужские руки схватили его под мышки и потащили наружу. Он дрыгался, царапался и кусался. Полицейский нес его через комнату, круша дома, улицы и проспекты.

- Да уймись ты! - услышал Маркус у самого уха.

У двери он вывернулся и посмотрел на ковер. Город лежал в руинах.

Маркуса завернули в байковое одеяло, усадили на середину заднего сиденья машины и пристегнули ремнем. Справа села рябая дама, слева - полицейский.

Автомобиль неслышно тронулся.

Маркус спрятал лицо в ладони и повторял:

- Не хочу! Не хочу!

Он чувствовал, как по щекам текут слезы, но ничего не мог и не хотел с этим поделаться.

* * *

Покачивание машины убаюкало. Маркуса разморило на теплом сиденье, и он заснул. Когда он открыл глаза, машина стояла. В пустом салоне шипела полицейская рация. Маркус расстегнул ремень и потянулся к замку двери. Она тут же распахнулась, и внутрь заглянула рябая дама.

- Выходи! - Она за руку вытащила Маркуса на улицу.

Стояла глухая ночь. На небе лучистыми точками мерцали звезды. Пахло сыростью. Маркус зябко поежился.

- Оденься! - Дама протянула ему куртку.

Она оказалась великовата – рукава болтались. Маркус накинул на голову капюшон и осмотрелся. Полицейская машина припарковалась посередине пустого двора плоского трехэтажного дома, похожего на пансионат на берегу реки. Родители возили туда Маркуса прошлым летом. Здание стояло темным, лишь по центру фасада светились несколько окон.

Хлопнула дверь. Рябая дама потащила Маркуса за локоть по бетонным ступеням крыльца. У дверей их встречала худая бледная женщина с тонким крючковатым носом и маленькими колючими глазками. Рядом с ней стоял здоровенный мужик в черной униформе, похожий на охранника из центрального гастронома.

– Это госпожа Лидия – директриса, – успела шепнуть ему на ухо рябая дама, выпрямилась и громко произнесла: – Подопечный Маркус Новак, поступает в распределительный центр по причине смерти родителей. – Она протянула охраннику белый плотный пакет.

«Смерти родителей!» – у Маркуса в голове будто зазвенели медные тарелки.

Он дернулся, выпал из цепких рук рябой и тут же повис в стальных объятиях охранника.

– Тише! Тише! – пробурчал тот, обдав запахом табака и перегара.

Маркуса трясло, горло перехватило, на глазах выступили слезы.

– Вы не проводили с ним беседу? – подняла брови директриса.

Рябая помотала головой.

– Это непрофессионально, милочка.

Директриса наклонилась к Маркусу и улыbnулась, не открывая рта. Ее и без того тонкие губы вытянулись в ниточку.

– Маркус... – Она взяла его за плечо. – Пойдем.

Охранник открыл тяжелую дверь, и директриса втокнула Маркуса в плохо освещенный вестибюль с длинными, как на вокзале, рядами деревянных кресел. Внутри было тепло, пахло старым деревом, и Маркус немного успокоился. Он боялся даже думать о слове «смерть» и его связи с родителями.

Сзади лязгнул засов: охранник запер дверь. Маркус вдруг понял, что его прежняя жизнь – семейные завтраки по утрам, игры в детской, прогулки в парке после обеда и сказки на ночь – все это безвозвратно ушло в прошлое. Снова удушливый спазм сдавил горло, и к глазам подкатили слезы. Маркусу до боли захотелось, чтобы случившееся с ним оказалось неправдой, дурным сном, который утром забудется.

Директриса повела Маркуса по темному пустому коридору в правом крыле здания. Охранник, отстав на пару шагов, топал позади. Они шли, казалось, бесконечно долго, звук шагов гулким эхом множился в тишине пустого и безразмерного коридора. По левой стене тянулись высокие, закругленные сверху окна. Слабый ночной свет из них подсвечивал длинный ряд одинаковых дверей на противоположной стене коридора.

Наконец, директриса достала из кармана пластиковую карточку и вставила в узкую щель над круглой медной ручкой одной из дверей. Щелкнул замок. Маркус, почувствовав толчок в спину, шагнул в темноту дверного проема.

Как только Маркус переступил порог, на стене беззвучно зажегся тусклый желтый ночник. В душной прямоугольной комнате поместились лишь две металлические кровати, разделенные парой деревянных тумбочек, и два стула с высокими спинками. Рядом с входом белела еще одна дверь, видимо, в туалет. За стеклом единственного окна Маркус заметил выкрашенные белой краской решетки.

На кровати у дальней стены кто-то лежал, накрывшись с головой одеялом. На спинке одного из стульев висела одежда.

– Спать будешь здесь, – указала директриса на застеленную свежим бельем свободную кровать.

Директриса развернулась и вышла. Снова щелкнул замок.

Маркус сделал два шага вперед и, не раздеваясь, плюхнулся ничком на матрас. Он уткнулся лицом в подушку и, не сдерживаясь, разрыдался.

* * *

Маркус очнулся от настырных толчков в плечо.

– Мама, ра-ано еще, – пробурчал он и тут же замер от нахлынувшего ужаса. «Неужели это и вправду со мной случилось?» Он оторвал лицо от подушки и резко повернулся.

У кровати стоял мальчик, на вид его ровесник. В сумраке Маркус разглядел черные взъерошенные волосы, темные глаза, маленький и немного вздернутый нос. На пустой соседней кровати валялось скомканное одеяло.

– Слезы не помогут, – прошептал сосед и протянул руку: – Андрей Бенеш.

Маркус машинально пожал холодную узкую ладонь и тоже представился.

– Я здесь уже десять дней, – продолжил Андрей. – Как и ты, плакал первое время. Но это бесполезно. Тут жесткий распорядок: подъем в семь утра, завтрак, игровая комната, обед, прогулка по двору и ужин. В девять отбой, и никого не волнует, что у тебя стряслось. – Он присел на край кровати. – Где твои родители?

– Те, кто меня забрали, говорили про аварию. – Маркус облизнул пересохшие губы.

– Мои погибли на реке. – Голос Андрея стал тише. – Перевернулся катер. Меня одного успели вытащить. – Он помолчал и продолжил громче: – Я собираюсь бежать отсюда.

– Куда? – поднял брови Маркус.

– Город большой, – пожал плечами Андрей. – Можно в Заречье. Там меня точно никто не найдет.

– А где ты деньги возьмешь? – скривил губы Маркус. – Без денег в городе нечего делать.

– Украду! – выпалил Андрей.

– Нет! – помотал головой Маркус. – Так нельзя, да и не сможешь.

– А кто нам теперь запретит? – улыбнулся сосед.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь. – Маркус снова лег на подушку и отвернулся к стене, бросив: – Я с пустобрехами не общаюсь.

– Сам ты пустобрех! – донеслось до него, но он не ответил.

Он уже брел по пустым комнатам своего дома. Порывы холодного ветра раздували паруса штор в открытых настежь окнах, на карнизах звякали медные кольца.

– Ма-ама-а! Па-апа-а! – кричал что было сил Маркус. – Где вы?!

Его крик эхом кружил по дому, по темным комнатам и коридорам, которые бесконечно множились один из другого. Внезапно он понял, что это вовсе не его дом, а здание распределительного центра. Маркус несся мимо бесконечного ряда безликих дверей, убегая от нарастающего звука – стука по металлу бешеной колотушки. Свет ударил в глаза, и у самого уха загромыхал голос директрисы: «Воспитанники, подъем!»

* * *

Маркус едва поднял опухшие веки и, шурясь, сел на кровати. Яркий свет лампы на потолке слепил, не давая собраться с мыслями и разогнать ватный туман в голове. Из-за неплотно закрытой двери в туалет слышался шум воды. Маркус со стоном упал на подушку, пытаясь сообразить, что делать дальше. Он хотел вспомнить, кто из знакомых родителей мог бы помочь. Отец работал в университете, и временами к нему в гости заходили коллеги. Маркус вспомнил только седого профессора с палочкой. Тот подарил ему на день рождения красную пожарную машину. Его фамилия крутилась на языке, но никак

не выскакивала наружу.

Дверь в туалет распахнулась, и оттуда вышел Андрей Бенеш в трусах и майке. Почему-то Маркус хорошо запомнил имя и фамилию соседа.

Андрей бросил на Маркуса хмурый взгляд и начал молча надевать костюм, висевший на спинке стула. В таких обычно ходят школьники, только этот был не синий, а коричневый с блестящими никелированными пуговицами.

При ярком свете Маркус лучше рассмотрел Бенеша: чуть выше Маркуса и немного сутулый, черные волосы и брови, глаза цвета крепкого чая. Андрей несколько раз пятерней приглаживал шевелюру, но безрезультатно – непослушная челка торчала как пучок дикой травы. На скуле у него виднелся пожелтевший синяк.

Андрей натянул штаны, подошел к тумбочке рядом с кроватью Маркуса и вытащил из нее целлофановый сверток. Сквозь прозрачную пленку виднелись еще одни коричневые брюки и пиджак.

– Что разлегся? – пробурчал сосед и кинул пакет на матрас. – Вот, надевай. Иначе попадешь в карцер, а это очень неприятно.

Маркус ему сразу поверил. Он встал, достал из пакета форму и оделся. Костюм пришелся впору. Только все карманы пиджака и брюк оказались зашитыми. В тумбочке нашлись и легкие спортивные тапочки подходящего размера, а в туалете – новая зубная щетка.

– Пора! – Андрей кивнул и вышел из комнаты.

Маркус поплелся следом. Вдоль коридора у каждого дверного проема стояли по два мальчика в коричневых костюмах – все на вид старше и на голову выше Маркуса и Андрея. У окон подбоченились трое охранников в уже знакомой черной униформе. Директриса в бордовом пиджаке и юбке ходила вдоль строя, цокая каблуками. Ее маленькие хищные глазки бегали по детским лицам. Иногда она останавливалась напротив какого-нибудь мальчика и фальцетом выкрикивала:

– Поправить воротник! Заправить рубашку!

При свете дня Маркус высмотрел на потолке забеленную лепнину, двери в комнаты оказались густого синего цвета, а за окнами светило солнце и деревья качали зеленой листвой.

– Напра-аво! – зычно скомандовал тучный лысый охранник.

Все синхронно повернулись в сторону вестибюля. Маркус замешкался, но Андрей дернул его за плечи в нужном направлении. Прозвучала команда: «В столовую – шагом марш!», и мальчишеский строй двинулся по коридору.

Маркус вслед за Андреем прошагал в соседнее крыло. Они оказались в помещении, размерами напоминавшем спортивный зал для игры в мяч. Вдоль него тянулись ряды деревянных столов и узкие скамейки. Окна закрывали решетки. Из двух распахнутых дверей внутрь струйками стекали мальчики. Зал постепенно наполнялся гулом тихих детских голосов. Маркус, как и все, встал возле свободного стола.

Снова оглушительно затрещал звонок, и воспитанники поспешили рассестись по местам. Тут же в дверях появились женщины в белых накрахмаленных халатах и марлевых косынках, натянутых до бровей. Поварихи перед собой толкали тележки с кастрюлями таких размеров, что в каждой Маркус поместился бы с головой. Следом выкатили тележку с тарелками, и женщины начали разливать молочную кашу по алюминиевым мискам. По залу растекся запах подгоревшего молока.

Каждый воспитанник получал свою порцию и тут же начинал жадно есть, но Маркус не мог себя заставить взять ложку. В животе стоял твердый ком, во рту пересохло. Тем более кашу он не любил, и дома ее не варили. «Неизвестно, из чего делают этот молочный порошок, – говорила ему мама. – Кто знает, что они туда добавляют?»

– Ешь, а то останешься без обеда, – не поворачивая головы, процедил сидящий рядом Андрей.

Маркус нехотя потянулся за ложкой и начал запихивать в себя теплую водянистую массу. Он успел съесть не больше половины, когда прозвенел

звонок. Все тут же встали и построились вдоль скамеек. Снова раздалась зычная команда, и строй воспитанников зашагал в игровую комнату.

Игровой комнатой назывался зал, похожий на столовую, только без столов и скамеек. Белые полосы на зеленом ковролине с жестким ворсом разделяли пол на квадраты примерно три на три метра. В каждой такой секции стоял свой набор предметов: спортивные снаряды, теннисный стол, ручные игры. В одной даже спрятался шкаф, плотно заставленный книгами. Маркус подошел к нему, пробежался пальцами по корешкам и вытащил толстую энциклопедию с яркой обложкой. Он сел на пол и начал листать книгу. Почти все картинки оказались знакомыми. Похожее издание стояло на полке у него в детской, и отец по выходным любил читать Маркусу, выбирая статьи наугад.

На первой странице он нашел привычный рисунок – карта города, разделенного на две части извилистой, как змея, рекой. Одна половина называется Левобережье, вторая – Заречье.

На других страницах пошли рисунки животных, деревьев и морских тварей. И еще раздел о насекомых. Маркусу особо нравились муравьи. Они, как и он сам, любили строить города и занимались этим непрерывно. Далее писалось о разных полезных ископаемых. В Левобережье большие запасы угля и нефти, зато в Заречье выше урожай пшеницы и проса.

Маркус пролистал книгу в самый конец, где писалось об обществе и обычаях, а еще там было несколько страниц о смерти. Раньше он боялся их смотреть, и отец тоже касался их вскользь. Жизнь заканчивается бесконечной темнотой, тело сжигают или закапывают в землю, но человек продолжает жить в памяти своих родных. Маркус сжал кулаки, на глазах навернулись слезы. Он никогда не забудет отца и мать.

На страницу упала тень. Маркус поднял голову. Пятеро крупных мальчиков обступили его плотным кольцом. Они смотрели на Маркуса в упор и ухмылялись. Он отложил книгу и встал. К нему шагнул крепкий подросток с рыжими волосами и плоским лицом.

– Слышь, новенький, – цокнул он языком. – В обед отдашь мне второе и хлеб с компотом.

Маркус шагнул назад и уперся спиной в шкаф.

– А то что? – он скрестил руки на груди.

– Сейчас узнаешь.

Маркус не заметил, как крепыш выбросил вперед кулак, только почувствовал сильный удар в подбородок. Голова дернулась, и он затылком приложился о книжную полку. Рот тут же наполнился соленым, нижняя губа онемела и противно задергалась. Маркус прижал к ней ладонь, и пальцы окрасились кровью. Она стекала по подбородку и темными кляксами капала на пиджак и ковролин.

Маркус скривился и с хриплым рыком прыгнул на обидчика. Тот, видно, не ожидал отпора, пропустил удар в грудь. Маркус свалил его на пол, и они покатались, колотя друг друга что есть силы. Противник был явно сильнее, и Маркус быстро оказался на спине. Крепыш сидел на нем и мутузил кулаками, а Маркус лишь тщетно прикрывался руками. Еще дважды ему досталось по разбитой губе, и каждый он переставал дышать от боли. Он начал слабеть и закричал, когда крепыша вдруг снесло в сторону.

Маркус приподнял голову – Андрей Бенеш вцепился в обидчика и возился с ним на ковролине. На помощь предводителю кинулись его дружки. Они со спины набросились на Андрея, повалили и начали колотить ногами. Маркус вскочил, бросился на них и тут же повис в крепких объятиях охранников.

* * *

Медпункт располагался в здании интерната за распределительным центром. Маркус сидел на узкой кушетке, застеленной плотной прорезиненной тканью, и щурился. В глаза ему била шестиглазая медицинская лампа. В комнате размещались металлический стол, круглый стул, тряпичная белая ширма и стеклянный шкаф с лекарствами. В дальнем конце виднелась дверь с закрашенными стеклами.

Маркус потрогал пальцем губу. Грубые стежки тянулись от подбородка вверх к бесформенному разбухшему месиву. Заморозка уже начала отходить. Маркус

поморщился от ноющей боли. Ныла не только губа, но и ушибленные ребра и отечные синяки на руках и ногах.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел врач – пузатый старик с огромным мясистым носом в красных прожилках. Он исподлобья посмотрел на Маркуса и неожиданно улыбнулся:

– Выглядишь бодрячком!

Старик подошел вплотную, аккуратно взял Маркуса за подбородок и покрутил его голову из стороны в сторону.

– Недели за две пройдет. – Врач потянулся к столу за склянкой с йодом и окунул туда спичку с ватным шариком на конце. – Снимем швы. Ну а дальше – к косметологу. – Он провел ваткой по подбородку и губе Маркуса.

Маркус зашипел от боли.

– Тебе стоит поберечь себя, – покачал головой старик.

– Папа мне говорил, что зло сразу надо ставить на место. – Маркус вцепился в жесткую ткань кушетки, стараясь правильно выговаривать каждое слово. – Иначе оно разрастется, и тогда победить его будет сложно.

– Мудрый у тебя был отец! – Врач поднял брови. – Иди пока в свою комнату. Я Лидии скажу, чтобы тебя несколько дней не трогали.

Маркус вышел за дверь и тут же столкнулся с Андреем Бенешем. Выглядел тот неважно: один глаз заплыл, забинтованная левая рука висела на груди.

– Давай держаться друг друга, – протянул он вперед открытую ладонь.

– Как Риф и Нис? – с трудом выговорил Маркус.

– Да, – улыбнулся Андрей, – как они!

Глава 4

Ветер разогнал тучи. Марк поднял голову, вглядываясь в ярко-синее небо – чистое, без единой темной крапинки. Полуденное солнце белым размытым пятном висело в зените. В сухом прохладном воздухе отчетливо пахло ржавчиной. Такая погода бывает перед заморозками, а ведь еще даже не середина осени. Марк поправил на плече рюкзак, запахнул полы плаща и полез в заросли борщевика. Ядовитые листья уже потеряли силу, но побережью стоит. С первыми холодами сорняк прижмется к земле, и дорога к дому Елены Эдгард станет еще короче.

Марк спустился по влажному откосу оврага, перескочил через вонючий ручей и выбрался на пустырь. В центре поросшей осокой площади серой грудой торчали руины трехэтажного здания: растрескавшиеся округлые стены с высокими узкими окнами и десятиметровая башня с разрушенным куполом. Планетарий закрыли еще до войны, война же его доконала.

Раз в год интернатских привозили сюда на экскурсию. В главном зале мощный проектор высвечивал на потолке звездное небо. Марк любил откинуть спинку кресла и смотреть, как крутятся и роятся тысячи звезд – приближаются, превращаясь в огненные шары, и исчезают из вида. Катехизис не дает ответа, в какие миры Коммутатор отправляет человеческие искры после смерти. Может, и на другие планеты. Это бы объяснило тягу Марка к космическим далям.

Под ногами зашуршал гравий. Марк остановился у рваного разлома в стене, снял с плеча рюкзак, вытащил из него и покачал на руке пухлый газетный сверток – пять банок тушенки и две пары шерстяных носков. Марк положил пакет на камень и пошел на другой конец пустыря. У кустов оглянулся и заметил, как из разлома выскочил подросток в мешковатой куртке и черной шапке на голове. Он схватил подарок и кинулся обратно в развалины.

Марк, шурша листвой, прошел через пожелтевший парк, отделявший пустырь от спального района, и выбрался к трехэтажке Елены Эдгард. При ясной погоде дом уже не выглядел безнадежно унылым. Крыша блестела жестяными листами, побелку на стенах недавно подновляли. Пахло дымом костра: дворник сжигал опавшие тополиные листья.

Метрах в ста от дома, в покосившейся деревянной беседке, четверо алкоголиков пересчитывали остатки наличности. Сгрудившись вокруг вздущегося от влаги стола, они перебирали разбросанные на почерневшей столешнице мятые банкноты и мелочь.

– Раньше на эти деньги можно было неделю жить! – выговаривал остальным старший из них – старик лет за шестьдесят, с одутловатым синюшным лицом. – Студентами мы на стипендию по ресторанам ходили. А сейчас что? – Подбородок «пахана» мелко трясся, старик дрожащими руками пытался расправить купюры. – Ищите лучше!

Собутыльники сокрушенно вздохнули и принялись шарить по карманам. Двое из них, еще крепкие мужики с красными носами и многодневной щетиной, носили одинаковую серую робу. У одного лысина по кругу разъела макушку, волосы другого торчали жестким седым ежиком. Оба они вполне могли работать грузчиками в местном гастрономе или разнорабочими на каком-нибудь складе. Самый младший из алкоголиков, по виду ровесник Марка, сидел сгорбившись, глядя вокруг пустым блуждающим взглядом. Марк встречал таких – переживших войну, но потерянных в жизни – ни профессии, ни семьи, ни дома. У каждого из этих четверых за плечами своя история о потерях, боли, неверном выборе и неспособности изменить жизнь к лучшему.

Марк подошел к беседке.

– Скучаем, бойцы? – скорчил он дружелюбную мину.

– А ты что за хрен? – просипел старик.

Он впялился в Марка покрасневшими, в змеистых прожилках, глазами. На его лбу собралась гармошка из глубоких морщин.

– Есть кому в магазин сбегать? – Марк вытащил из кармана новенький червонец с профилем Виктора Курца в овальной рамке.

– О! – алкоголики заулыбались. – Сразу видно: свой человек! – Плешивый грузчик осклабился щербатым ртом.

Старый пахан коротко кивнул младшему. Тот вскочил, выхватил из рук Марка деньги и засеменил за угол дома. Марк шагнул в беседку, осмотрелся и сел на лавку у края стола, чтобы видеть дверь подъезда Елены Эдгард. Внутри беседки, несмотря на сквозняк, стоял густой запах перегара.

Алкоголики притихли, ожидая гонца. Из белого марева выглянул желтый диск солнца. Двор и стена дома осветились, будто включили софиты. В кустах рядом с беседкой весело зачирикали воробьи.

Младший появился минут через десять, светясь по-детски счастливой физиономией. В руках он тащил раздувшийся от поклажи целлофановый пакет. От тяжести ручки его натянулись, готовые вот-вот порваться. Младший, кряхтя, поставил ношу на скамейку. Громко звякнули бутылки.

- Ы-ыть! - затрясся старик. - Аккуратнее!

Плешивый оттеснил младшего и принялся доставать покупки. На столе появились две зеленые бутылки вина, пять поллитровок темного пива и шкалик спирта. Следом - хлеб и вяленая рыба, пластиковые прозрачные стаканчики и тарелки. Чувствовалось, у этой компашки уже сложилось традиционное меню, и Марк обеспечил им праздничное угощение.

Он потер подбородок и пристально посмотрел на младшего. Тот заметно поскунчел и со вздохом вытащил из кармана сдачу.

Старик разложил перочинный нож и срезал крышку с бутылки вина. Убрал лезвие, открыл штопор и ввинтил его в пробку по самую рукоятку. Суетливо поставил бутылку между ступнями и дернул. Пробка со смачным чпоком выскочила из горлышка. Пахан победно оглядел публику. Алкоголики оживились, задвигались - день у них явно удался.

Плешивый взял из рук старика бутылку и разлил темно-красную жидкость по стаканчикам. Остальные затаили дыхание. Следом второй грузчик скрутил жестяную пробку со спирта и плеснул каждому в вино.

- Ну, вздрогнем! - пахан взял стаканчик трясущейся рукой.

Собутыльники последовали его примеру. Марк тоже поднял свой и посмотрел сквозь прозрачные стенки на дверь подъезда. В красном мареве ручка двери изогнулась, будто живая. «Где же ты, Елена? – в мыслях вздохнул Марк. – Я с твоими соседями долго не протяну».

Словно отвечая на его призыв, дверь дернулась и приоткрылась. Из щели выскочил здоровенный черный мастиф, таща за собой на поводке детину лет двадцати в шерстяном спортивном костюме. Из открытого рта собаки на землю обильно стекали слюни. Пес повернул голову в сторону беседки и гулко рывкнул. Он явно намеревался поближе познакомиться с алкоголиками.

– Куда?! – фальцетом прикрикнул на собаку детина и дернул за поводок.

Мастиф развернулся и понуро поплелся следом за хозяином. Марк удивился. В войну таких собак натаскивали подбираться к дотам с взрывчаткой в зубах. Под конец боев в живых этих псов практически не осталось. Какой судьбой выжил здешний, оставалось загадкой, но с хозяином ему явно не повезло.

– И есть же у кого-то деньги кормить такого кобеля! – оскалился старик.

Алкоголики опрокинули в себя стаканы с бурдой из вина и спирта и, крикая, потянулись к хлебу и рыбе. Марк тоже залпом выпил. Горло обожгло, пылающий ком провалился в желудок и остался там тлеть горячим углем. Чтобы унять пожар, Марк разжевал и проглотил хлебную корку.

Плешивый снова налил вина. Второй стакан Марк лишь пригубил, больше налегая на рыбу. Он украдкой поглядывал на дверь подъезда. Время от времени она открывалась, но из нее каждый раз появлялись не те, кого Марк ожидал увидеть: школьники, мамы с грудными детьми, хмурые старики с палочками.

Собутыльники зашли на новый круг. Пили сосредоточенно, будто выполняли непростую и важную работу. Пахан совсем захмелел, и его потянуло на разговоры. Слушателем Марк был хорошим, а местные бичи явно истосковались по новому собеседнику.

– Вот скажи, – брызгал слюной старик, тряся перед лицом Марка обглоданным рыбьим хвостом, – разве за тем мы воевали, чтобы какие-то сосунки-особисты разъезжали по городу в черных фургонах и указывали, как нам жить?

Остальные замычали и закивали в знак согласия. Младший закатил глаза, видимо, показывая, как достала его Особая служба.

– Приходят тут и начинают распорядиться: то нельзя, это нельзя... – Старик оттопырил нижнюю губу, скорчив обиженную гримасу: – А кто они такие и по какому праву?! – Подняв брови, он уставился на Марка. – Ведь кем они до войны были? – не получив ответа, продолжил он. – Какая-то фельдъегерская особая служба. – Челюсть пахана затряслась. – Почтальоны хреновы! Пока мы на передовой надрывались, они отсиживались в тылу.

– Ну, теперь там работают и бывшие армейские, и полиция, – возразил Марк.

Старик, не найдя что ответить, обреченно махнул рукой:

– Какую страну просрали! – В его глазах выступили слезы. – Чего не жилось? Полезли друг с дружкой воевать!

Марк нахмурился, вспоминая предвоенный год – о том, что вещали радио и телевизор, и о чем писали газеты. «Зареченское отродье живет за счет наших ресурсов!», «Нахлебников надо наказать!», «Они понимают только силу!» Митинги, демонстрации, военные парады. Народ накачали ненавистью по полной. Примерно то же творилось и на другой стороне реки. Марку пришлось даже нанять лодку, чтобы возить клиентов мимо основных КПП, где могли схватить и объявить левобережным шпионом или просто вытрясти деньги.

– Был у нас в батальоне особист, – прервал мысли Марка плешивый грузчик. – Звали его... Альберт Кноффер. – Он оскалился. – Молоденький, личико бледное, очки круглые. Вылитая канцелярская крыса.

Грузчик сбил о край стола крышку с бутылки пива, запрокинул голову и начал шумно пить. Кадык его заходил вверх-вниз.

– В учебке мы смеялись над этим Кноффером. – Грузчик ополовинил бутылку и со стуком поставил на стол. – Потом батальон перебросили на передовую, и заречные там нас здорово прижали, – ухмыльнулся он. – Воевать они умели! Это начальство лило нам в уши, что будет все просто, как по бульвару прогуляться. Но вышло иначе. – Он снова глотнул пива. – Из штаба пришла

команда занять высоту, а мы лежим – в землю вжались. Пули свистят, снаряды рвутся – голову поднять невозможно. И тогда, глядь, наш особист встал во весь рост над бруствером и как заорет: «В атаку!» – Грузчик обвел сидящих осоловелым взглядом и громко икнул. – Тут уж мы повылазили из окопов и побежали вперед. – Он грохнул кулаком по столу так, что бутылки на нем жалобно звякнули. – И взяли высоту!

Марк знал эту историю. Награждать Кноффера из штаба на передовую приехал глава фельдъегерской службы Виктор Курц. А потом начались странные дела. Курц внезапно возглавил переговоры о мире. После обе стороны выбрали его главой объединенного правительства. Кноффер стал личным адъютантом Курца. Правда, Марку было уже не до этого: за день до появления на фронте Курца подорвался на mine Андрей Бенеш.

– А вот там, – махнул Марк в сторону подъезда, – живет девушка с девочкой лет пяти?

– Елена? – Глаза младшего прояснились. – Живе-ет, – ухмыльнулся он. – Отец ее важной шишкой был, да недавно помер.

– А муж ее где? – небрежно бросил Марк.

– Никто его не видел, – пожал плечами молодой. – Ребенок есть, а мужа нету. И мужики к ней не ходят. Неприступная барышня! – Он сплюнул на пол.

– А дочь как зовут? – уточнил Марк.

– Милой, по-моему, кличут, – прищурился молодой. – И...

Птичий щебет заглушил последнюю фразу. Воробьи в кустах затеяли свару. Марк повернулся и хлопнул в ладоши. Серая стая вспорхнула с веток, наполнив воздух шелестом десятков маленьких крыльев. Дырявый птичий ком поднялся над тополями и, вытянувшись дугой, скрылся за крышей дома.

– Вот вспомнишь кого, а он тут как тут! – буркнул старик.

Марк обернулся. Из подъездной двери выходила Елена. В зеленой ветровке и черной кожаной юбке она выглядела моложе, чем при их первой встрече. Лицо по-прежнему бледное, волосы собраны на затылке, в руке – плетеная сумка. Мила вприпрыжку бежала впереди матери. Коричневые колготки, два белых банта на голове. От мельтешения ее ярко-красной куртки рябило в глазах.

Марк проводил Елену взглядом до угла дома.

– Ну, мне пора. – Он будто нехотя встал.

Сидящие за столом понурились.

– Куда ты собрался? – начали канючить алкоголики. – Хорошо же сидим.

Но Марк уже спрыгнул со ступенек беседки.

– Увидимся еще, – махнул он рукой.

– Приходи! – просипел старик. – Мы каждый день тут.

Марк в этом не сомневался. Он неспешно побрел вдоль дома и свернул за угол. К торговой площади вел новенький мощный плиткой тротуар. Вправо от него уходила земляная дорожка. Петляя между кустов, она терялась в глубине парка. Марк постоял, решая, куда могли направиться Елена с дочкой, и свернул в парк.

Чутье его не подвело. Метров через двести за деревьями замелькали знакомые куртки – красная и зеленая. Елена шла неторопливо, держа дочь за руку. Девочка тянула мать к разноцветным конструкциям детской площадки, видневшимся за орешником. Когда до нее оставалось метров десять, Елена отпустила руку дочери, и та стремглав понеслась по опавшим листьям к горбатой горке в виде сказочного дракона. Детские ботинки застучали по металлическим ступенькам, и довольное личико высунулось из окошка игрушечного домика на драконьей спине.

– Осторожней! – крикнула дочери Елена, вытащила из сумки книжку и села на скамейку.

В парке было прохладнее, чем возле дома. Марк стоял за кустом метрах в шести от детской площадки и рассматривал Елену. Кроме нее и дочери, вокруг не было ни души. Елена склонилась над раскрытой книгой, сидя вполборота к Марку. Она изредка поднимала голову, чтобы посмотреть, чем занята Мила. Ветер то и дело сбрасывал ей на лицо светлый локон, и она машинально убирала его за ухо. Вокруг багряными и золотыми красками буйствовала осень, по веткам деревьев прыгали воробьи и еще какие-то птицы с красными и желтыми грудками. Пахло влажной землей и прелыми листьями.

У Марка защемило в груди. Время словно остановилось. Карусели на детской площадке, скамейка и сидящая на ней девушка сделались необычайно четкими, будто кто-то навел резкость у невидимого бинокля. Марк слышал, как пальцы Елены скользят по страницам книги, как шуршит гравий под ботинками ее дочки. Марк, словно замороженный, не мог отвести взгляд от Елены. Казалось, отвлекись он на миг, и волшебство исчезнет.

Наконец Елене надоел непослушный локон. Она потянулась к затылку и сдернула заколку, стягивающую хвост. Встряхнула головой. Темно-русые волосы волнами упали ей на плечи. Елена зажала заколку губами и принялась собирать локоны в новый пучок.

Когда она закончила с прической, Марк вышел из-за кустов и уверенно зашагал по дорожке между детскими каруселями. На середине площадки он как бы ненароком бросил взгляд на скамейку. В этот момент Елена, услышав чужие шаги, подняла голову и увидела Марка. Ее глаза слегка расширились, на губах заиграла улыбка. Марк остановился и свел брови, будто с трудом вспоминая, кто перед ним.

– Добрый день... – улыбнулся он в ответ и шагнул к девушке. – Кажется... Госпожа Эдгард?

– А вы... сантехник? – Елена встала.

– Да, – кивнул Марк, – сегодня работаем в вашем районе, госпожа Эдгард.

– Просто Елена, – покачала она головой.

– Марк, – он подошел и протянул руку.

Девушка пожала его ладонь. Пальцы у нее были длинные, тонкие и неожиданно горячие.

- Вы позволите? - Марк кивнул на скамейку.

- Да, конечно.

Они сели рядом.

- Мы скоро у вас вентиля будем менять, - сообщил Марк. - Я уже заявку согласовал. Все сделаем бесплатно.

- Спасибо, - девушка подняла брови. - Не знаю, как вас благодарить!

- Ерунда! - махнул рукой Марк и неожиданно для себя добавил: - Вы мне понравились.

Елена внимательно посмотрела на него. Марк снова удивился спокойствию в ее глазах. Он будто глядел сквозь прозрачную воду на дно глубокого озера, полного удивительных вещей.

- Мне давно этого не говорили. - Уголки губ Елены приподнялись.

- Потому что люди слепы! - хмыкнул Марк. - Не видят сокровище у себя под носом... Что читаете? - поспешил он сменить тему, кивнув на потертый томик.

Елена перевернула книгу обложкой вверх.

- Ого! - поднял брови Марк. - «Приключения Рифа и Ниса».

- Достала из закромов, дочке почитать, - улыбнулась Елена. - Ну и сама решила освежить в памяти. В детстве мне ее мама читала.

- Удивительно, но мне тоже, - поджал губы Марк. - Я давно не встречал эту книгу в магазинах.

– Да, уже не издают такое, – кивнула Елена. – И знаете, в ней много поучительного для взрослых. В детстве книжки проглатываешь на интересе, а с возрастом начинаешь вникать в суть, и все видится в другом свете.

– Вы про дружбу?

– Да, я бы хотела иметь такого друга, как Риф или Нис.

– У меня был такой, – выдохнул Марк.

– Правда? – Она по-детски расширила глаза. – Что с ним сейчас?

– Путешествует по другим мирам, – тихо ответил Марк.

Елена снова внимательно посмотрела на него.

– Соболезную. – Она дотронулась до руки Марка, и его бросило в жар, от которого мгновенно перехватило дыхание. – Вы верите в загробную жизнь? – спросила Елена.

– Я лишь простой сантехник. – Марк сглотнул. – Что с меня взять?

– Знаете, а я никогда не верила в теорию «полного уничтожения», – нахмурилась Елена. – Не может человек любить, страдать, радоваться и печалиться, чтобы в итоге превратиться в ничто. – Она закусил губу. – Извините, что я вам все это говорю, в последнее время мне не с кем поделиться наболевшим.

– Не извиняйтесь. – Марк накрыл ее пальцы ладонью. – Мне подобные мысли хорошо знакомы. Но, знаете, если сильно захотеть, то можно связаться с ушедшими близкими.

– Вы про телефонистов? – Елена сощурила глаза. – Говорят, их уже не осталось... Мой отец всегда называл их шарлатанами.

– Правда? – хмыкнул Марк. – Наверное, у него были причины так говорить. – Он посмотрел на пеструю птицу, севшую на дугу карусели. – Теперь то он точно

знает правду.

- Да. - Елена прикрыла глаза. - Мы все рано или поздно ее узнаем.

Марк не спешил отпускать пальцы Елены, а она не противилась. Он будто погрузился в умиротворение и спокойствие, где нет места человеческим страданиям и боли, нет требовательных звонков диспетчера, теней и рыскающих по городу агентов Особой службы...

- Мама! Мама! - К скамейке подбежала Мила и затараторила: - Пойдем, я тебе покажу жука.

Лицо девочки покраснелось, волосы растрепались. Она мельком взглянула на Марка, схватила мать за свободную руку и потянула.

- Извините, - Елена высвободила ладонь из руки Марка и встала.

Дочь позвала ее за драконью горку. Они быстро пропали из вида, только из недр площадки продолжал доноситься звонкий голос Милы.

Марк встал со скамейки, задумчиво покачался с пятки на носок и побрел к выходу из парка. Погода снова портилась, солнце скрылось, и по небу поползли темные кучевые облака. Он почти дошел до пустыря, когда впереди из-за кустов выскочил черный мастиф. Пес тяжело дышал, розовый язык вывалился изо рта, поводок волочился по земле. Собака увидела Марка и опроретью понеслась к нему.

Времени на раздумья не оставалось. Марк сдернул с плеча рюкзак, схватил его обеими руками и выставил перед собой, готовясь принять удар. Пес подлетел к нему, но в метре перешел на шаг и принялся ластиться, виляя хвостом и норовя встать на задние лапы и лизнуть Марку лицо.

- Хорошая собака! Хорошая... - Марк трепал пса по холке и хлопал по спине. - Где же твой хозяин?

Марк огляделся, но детины в спортивном костюме не увидел.

– Домой! – оттолкнул он собаку и громко похлопал в ладоши.

Сам же развернулся и двинулся дальше. Он прошел по краю пустыря и у оврага оглянулся. Пес бежал позади метрах в пятидесяти.

– Фу! – замахал руками Марк. – Иди! Иди!

Собака остановилась, потопталась на месте, но назад не пошла. Марк поднял с земли булыжник и швырнул в ее сторону. Камень шлепнулся в метре от пса. Тот тьякнул и прыгнул в кусты.

Крутые тенистые откосы оврага никогда не высыхали. Ноги скользили по жирной грязи и перегною. Приходилось царапать ладони, цепляясь за ветки редких колючих кустов. А наверху еще ждали заросли борщевика. Дорога до дома заняла почти час. Марк уже добрался до железнодорожных путей, когда услышал за спиной рычание и собачий лай. Марк обернулся и замер. Мاستиф, растопырив лапы, стоял метрах в ста от него. Шерсть на холке пса поднялась дыбом. Он оскалился, рычал и лаял на стену брошенного трехэтажного дома. По ней, клубясь, словно дым, ползла гигантская чернильная клякса.

Марк засунул в рот два пальца и что было сил свистнул.

– Ко мне! – похлопал он ладонью по бедру.

Собака нехотя оторвалась от стены и скачками помчалась к Марку.

– Идем быстрее отсюда! – Он схватил пса за ошейник и потащил в сторону видневшейся впереди протоки с водой, отделяющей порт от железной дороги.

Клякса соскользнула со стены на землю и поползла за ними. Марк с разбега перепрыгнул через канаву, пес сиганул следом. Они отбежали еще метров на пять и остановились. Тень медленно подползла к воде, коснулась ее чернильными щупальцами и тут же отпрянула. Она заметалась по грязи, потом собралась в плотный ком и вытянулась в черную человеческую фигуру.

Пес снова ошетинился и залился лаем.

- Идем! - Марк потянул его за ошейник. - Тень не сможет перейти воду.

Держа собаку за поводок, Марк миновал старые склады и вышел к берегу реки.

- Как же тебя звать? - Марк посмотрел на пса.

Тот поднял на него грустные глаза, мол: зови, как хочешь.

- Значит, будешь Гектором.

Собака одобрительно тявкнула.

Глава 5

Марк проснулся, и ему тут же почудилось, будто в лицо светит яркая лампа. Он медленно приоткрыл один глаз. В сумраке спальни напротив кровати стояла босая Мила. Ее белые ступни торчали из-под ночнушки в мелкий цветочек, руки сжимали мохнатого плюшевого медведя. Из-под растрепанных черных волос на Марка смотрели два больших голубых глаза. Мила внимательно разглядывала его, будто диковинного жука.

Не желая становиться частью энтомологической коллекции, Марк приподнялся и посмотрел на часы на прикроватной тумбочке. Стрелки показывали два ночи. В спальне все выглядело по-прежнему: бельевой шкаф, кровать, стул с одеждой на спинке, приоткрытая дверь в кабинет. Только лишний предмет в центре комнаты - девочка с плюшевым медведем. «Почему Гектор не залаял?» - промелькнуло в голове Марка. Он сел, обернув одеяло вокруг туловища.

- Привет! - Марк изобразил доброжелательную мину. - Как ты здесь оказалась?

- Это не важно, - произнесла Мила грудным, неожиданно взрослым голосом. - Правильный вопрос: «Где мы все скоро окажемся?»

- Где? - Марк потер небритую щеку, пальцы коснулись шрама на губе.

- В царстве теней, - пожала плечами девочка.

Марк растерянно осмотрел комнату. Штора вздулась от сквозняка и замерла. Секундная стрелка на часах прилипла к цифре 3. Воздух уплотнился, стало трудно дышать.

- Откуда ты знаешь о тенях? - Марк до боли сжал кулаки, пытаясь избавиться от наваждения.

- Это неважно, - нахмурилась Мила. - Правда в том, что этому городу скоро конец. Твои действия, телефонист?

- Пока возможно, я буду делать свою работу, - помрачнел Марк.

- Твоя работа - обеспечивать связь. - Мила топнула босой ногой. - Курц блокирует каналы переходов, это разрушает Коммутатор.

- Что я могу сделать?! - Ощущение собственного бессилия подогревало в Марке злость.

- Ты, телефонист, - сощурилась девочка, - плохо знаешь свой Катехизис.

Марк зажмурился, потрянул головой и резко открыл глаза. Он лежал на спине, укрытый одеялом. Мила Эдгард исчезла.

За окном затарахтел мотор, сквозь шторы пробился луч прожектора, по потолку и стене поползла тень от крестовины окна - по реке плыл патрульный катер. Марк помедлил минуту, собираясь с мыслями, встал и начал одеваться: все равно скоро на вызов.

* * *

«Когда рождается телефонист, появляется и его диспетчер», – наставляет Катехизис. Но не сказано, что диспетчер достает своего телефониста в любом месте, в любое время дня и ночи. Марк улыбнулся, вспомнив растерянное лицо Кристи, когда в ее засекреченной квартире раздался звонок и вежливый женский голос попросил передать Марку трубку. В ее утешение – телефонисты и сами знают о диспетчерах не так уж много. Диспетчер связывается с телефонистом после его инициации, и дальше как по накатанной: звонок, сообщение о месте и времени встречи, приметы клиента и тариф. И никаких лишних разговоров.

Марк вышел из дома еще затемно. Не включая света, пробрался к входной двери, но Гектор все равно проснулся, начал ластиться и заскулил, прося взять его с собой.

– Сторожи дом! – приказал ему Марк.

Пес понуро вернулся на подстилку в углу гостиной. В первые дни их знакомства он все норовил лечь на кровати вместе с Марком. Пришлось отвести собаку от спальни. В остальном они сошлись характерами. Когда выдавался день без вызовов, Марк выгуливал Гектора вдоль портового причала. Кидал в реку палку, и пес бесстрашно сигал в воду, а потом мокрый гонялся за хозяином. У Марка появилась традиция ходить в гастроном и покупать потроха и кости. Кроме мяса Гектор ел еще кашу и хлеб. Марк садился обедать, и собака в своем углу тоже чем-нибудь хрустела. Впервые за много лет в доме появилось еще одно живое существо, и Марк неожиданно для себя обрадовался этому изменению в жизни.

Закрыв за собой дверь, Марк перебрался через ров и пошел вдоль погруженного в темноту пирса. В предрассветной тишине мерно стрекотали сверчки. Воды видно не было. За бетонной кромкой, сколько хватало глаз, чернел бездонный провал. Лишь на другой стороне реки тусклыми точками поблескивали огни редких фонарей.

У складов Марк свернул к новым районам и вышел на окружную дорогу. Ежась от ночного холода, он побрел по разбитым бетонным плитам к горящему на столбе фонарю. Прошло минут двадцать, когда, наконец, послышался хриплый рев мотора. Из-за поворота показался длинный луч света, выхватил из темени придорожные кусты, сжался и тут же распался на два слепящих

круга. Марк поднял руку. Машина быстро приближалась, и через минуту рядом с Марком, скрипя колесами, затормозил старенький грузовик.

В кабине воняло крепким дешевым табаком, по краю треснувшего лобового стекла тянулся ряд почерневших монеток, в углу приборной доски примостился пустой флакон ароматизатора. Марк прикрыл глаза, слушая нескончаемый монолог водителя. Крепкий мужик в кожаной куртке и кепке вцепился в обод руля. Он гнал машину на пределе скорости, чудом умудряясь объезжать дорожные выбоины. Лучи фар металась по дороге. Марка подбрасывало и болтало из стороны в сторону.

Водила перегонял машину из северного района, именуемого в народе «Птичкой» – из-за торчащей высотки, похожей на расправившего крылья сокола. До тех мест война не добралась, и жители разрушенных центральных и прибрежных районов недолюбливали северян за их благополучие и гонор. Те платили той же монетой.

– Не понимаю я вас, центральщиков! – тряс головой водила. – Семь лет с войны прошло, а до сих пор дороги нормальные сделать не можете.

– Наверное, – парировал Марк, – есть задачи поважнее.

– Знаем мы эти задачи, – оскалился водила. – Особая служба не тем занимается, чем нужно. Налоги подняли, а толку? Народ-то не стал жить лучше. Снова кормим Заречье и гоняемся за телефонистами и прочей швалью!

– А вам телефонисты что плохого сделали? – посмотрел на него Марк.

– Морочат людям голову ради денег. – Водила вывернул руль, машина вильнула, и Марк приложился затылком о заднюю стенку кабины. – Все мы когда-нибудь умрем, – не унимался водитель грузовика. – Потому нужно жить здесь и сейчас, рвать от жизни все, что можно, – он широко улыбнулся. – Любимая женщина, детишек полный дом – что еще нужно?

«Дети – это хорошо», – подумал Марк. Сам он не помнил, как это – жить семьей. Родных ему заменили Андрей Бенеш и Грегор, и обоих уже нет в живых. Марк почувствовал укол зависти к пышущему здоровьем и силой водиле.

– Смерть все отберет, – произнес он вслух.

– Да, отберет... – Водила помрачнел и замолк, но через минуту потрянул головой и ухмыльнулся: – А не нужно мучиться пустыми вопросами. Вот что я тебе скажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chernyavskiy_vladimir/48161-telefonist

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)